

среди своих печальных кедров белою ночью всю ночь до колокольного звона, плившего по реке из Соли Вычегодской» [8, с. 145]. Из этих текстов не совсем ясно, звонят ли это фантомные колокола утонувших церквей, как в легенде о Китеже, или реки служат проводниками реальных звонов крупных церковных центров, находящихся на их берегах, но на большом отдалении от «счастливых» реципиентов. Таким образом, даже беглое рассмотрение комплекса речных мотивов в «вологодских» произведениях писателя показывает, что они в самом общем виде соответствуют двум основным трактовкам символики воды в русском модернизме начала XX века.

Литература

1. Балов А. В. К вопросу о характере и значении древних «купальских» обрядов и игр // Живая старина. – 1896. – Вып. 5.
2. Бальмонт К. Жар-Птица: Свирель славянина. – М., 1907.
3. Майков Л. Н. Великорусские заклинания. – СПб., 1994.
4. Ремизов А. Ночь у Вия // Русская мысль. – 1909. – № 4.
5. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2. – М., 2000.
6. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 3. – М., 2000.
7. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. – М., 2000.
8. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 11. – СПб., 2015.
9. Терещенко А. Быт русского народа. Ч. 6. – СПб., 1848.
10. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., 1982.
11. Хансен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм. Космическая символика. – СПб., 2003.
12. Ю. Ш. [Шокальский Ю. М.] Вологда или Вологода // Энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Т. 7. – СПб., 1892.

Г.В. Судаков
Вологда

ПРОБЛЕМА «ВОЛОГОДСКОГО ТЕКСТА» И РОЛЬ В. И. БЕЛОВА В ЕГО ФОРМИРОВАНИИ

Художественные произведения В. И. Белова посвящены изображению вологодской, преимущественно сельской действительности. Поэтический и одновременно реалистический образ Вологодчины, герои со своим особым мировосприятием происходящего – всё это позволяет ставить вопрос: могут ли произведения Белова служить образцом «вологодского текста»?

Идея «региональности» как набора особых художественных качеств текста, обусловленных свойствами описываемого объекта, появилась сравнительно недавно: её выдвинул в 1984 году и затем обосновал в своих работах, посвященных «петербургскому» тексту академик В. Н. Топоров

(1928 – 2005). То, что возможность претензий того или иного региона на наличие своего регионального текста зависит прежде всего от значимости самого региона в культурной истории государства, было очевидно для автора идеи: «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему)» – так называлась первая работа академика, посвященная обозначенной проблеме [Топоров 1995; впервые опубликована в 1984 г. в вып. 18 «Трудов по знаковым системам» Тартуского ун-та]. Первый раздел этого сочинения «Петербургская идея русской истории. Петербург – Москва» как раз и был посвящен обоснованию и характеристике особого «мифопоэтического пространства» Петербурга, выразительного при сопоставлении с аналогичным образом Москвы. Таким образом, две особенности «петербургского» текста стали очевидны сразу: 1) высокая историко-культурная и геополитическая значимость региона (города) в истории государства; 2) наличие оппозиционных свойств в объекте, который исторически противопоставлен Москве: две столицы – две эпохи, два непохожих мира. При этом и сам город Петербург с позиций семиотики воспринимается как особый художественный текст – эта часть концепции В. Н. Топорова была усилена в работах Ю. М. Лотмана [Лотман 1984; Лотман 1996]. Третья особенность подразумевалась сама по себе: «региональный» текст – это художественно значимый корпус текстов, отражающий регион как объект, наделенный особым мифопоэтическим пространством (у Топорова это прежде всего произведения писателей Серебряного века: А. Блока, А. Ахматовой, А. Белого, А. Ремизова; потом сюда добавили Ф. Достоевского).

Сами по себе идеи В. Н. Топорова применительно к Петербургу не были абсолютно новыми. Впервые о феномене некоей цельности произведений о Петербурге, причем их художественного единства, задаваемого самим городом, стал писать в начале двадцатого века Н. П. Анциферов [1922; 1923; 1924]. Впервые Петербург Пушкина, Гоголя, Некрасова, Достоевского, Блока описан именно им.

Какие особенности должны быть у регионального, именного текста? Какими чертам должен отличаться мифопоэтический образ города, в честь которого создается корпус текстов?

Первое – это локус, пространство с его активной функцией строительства судьбы героев произведений. Для возникновения «текста» (сверхтекста) локус должен обладать наряду с историко-культурной и социальной значимостью мифологическим смыслом. Благословенное место – место гармонии человека с природой, упорядоченный мир, замкнутый и целостный, самодостаточный и защищенный стеной народной духовности и культуры. Образы места закрепляются в разнообразных и разновременных текстах. См. довольно общее определение понятия «провинциальный текст» в работе: [Миногина 2012].

Кажется, сейчас для исследователей уже не важно, в какой мере является тот или иной регион мифопоэтическим пространством, освященным множеством высокохудожественных текстов. Перечень региональных тек-

стов то больших, то малых территорий увеличивается день ото дня: московский, волжский, уральский, сибирский, алтайский, северный, кавказский, пермский. Этот размах поддерживается широтой тематики реализуемых научных проектов, см. вышедшие сравнительно недавно большие книги: «Евразийское пространство. Звук, слово, образ» (М.: Языки славянской культуры, 2003): «Геопанорама русской культуры. Провинция и её локальные тексты» (М.: Языки славянской культуры, 2004). Исследователи уже вышли за пределы России: они изучают парижский и лондонский мифы в русской культуре, мотив моря в одесском тексте, героев венецианского текста, туркестанский и ташкентский тексты. Но привлекательны и малые территории: тексты царицынский, крымский, вятский, томский, тюменский, см., например, сборники: [Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. – Вып. 11. В 2 т. – М.: МГПИ. 2012; Северный и сибирский тексты русской литературы как сверхтексты: типологическое и уникальное. – Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова. 2014].

Отметим особую значимость для развития исследований «северного текста» работ Е. Ш. Галимовой, например: [Галимова 2010; 2012]. Она дает и более определенное толкование северного текста: «это создававшийся преимущественно на протяжении столетия (с начала XX в. до наших дней) в творчестве многих русских писателей особый *севернорусский вариант национальной картины мира*, надсленный, наряду с индивидуальным, отражающим своеобразие мировидения каждого из авторов, также и общими, типологическими чертами» [Галимова 2010: 9]. «На уровне поэтики цельность севернорусского текста проявляется в обилии сквозных мотивов и образов (в том числе архетипических), в единстве характера пространственно-временной ориентации художественного мира произведений, образующих этот сверхтекст, в близости авторского восприятия Русского Севера» [Галимова 2010: 12].

Относятся ли произведения о Вологодской земле к северному тексту, как утверждает Галимова? Мы согласны, что далеко не каждая местность способна породить свой «текст» в художественном смысле. Для возникновения реального «вологодского текста» необходимы сильные точки памяти культуры в отношении исторически и культурно значимой территории Вологодчины, что будет подталкивать к художественной рефлексии по поводу этой территории, к освоению вологодского варианта национальной картины мира. Творчество В. И. Белова, безусловно, дает материал для положительного решения данной проблемы.

Одни архангелогородцы (Лошаков А. Г., Белоусова С. В.) характеризуют только поморский текст, не упоминая при этом Вологодчины; другие (например, Галимова Е. Ш.) в пределы территорий северного текста включают и Вологодскую область, но при характеристике самого северного текста никаких вологодских черт этого текста не указывают. Характерно, что имени В. И. Белова – наиболее яркого представителя современной русской

литературы, создавшего первоклассные образцы художественных текстов, архангелогородцы не называют, вероятно, осознавая, что в их параметры «северного текста» Белов не вписывается.

Каковы главные составляющие специфической, региональной картины мира «вологодского текста»?

1) Пространственно-временная организация (мифопоэтическая природа пространства, особые художественные характеристики ландшафта, тема отношений природы и человека, художественное время как единство прошлого, настоящего и будущего. Для В. И. Белова Вологодская земля – мифопоэтическое пространство, таящее в себе загадку русской истории и духовности, самой души России (идея «Вологда – душа Русского Севера» появилась не на пустом месте). В Вологодчине скрывается и тайна русского художественного слова. Напомню мысль из беловского «Лада»: «Что значило для народной жизни слово вообще? Такой вопрос даже несколько жутковато задавать, не только отвечать на него. Дело в том, что слово приравнивалось нашими предками к самой жизни. Слово порождало и объясняло жизнь, оно было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего. Вместе с этим (и, может быть, как раз поэтому) оно утешало, помогало, двигало на подвиг, заступалось, лечило, вдохновляло. ...Покажется ли удивительным при таких условиях возникновение культа слова...»;

2) система мотивов (путь (или поиск), испытание, преображение и т.п.);

3) система сквозных художественных образов, исходящих из фольклорной традиции (дом, дорога и др.);

4) система образов-персонажей как субъектов особого отношения к окружающему миру и с особым складом мышления.

Полагаем, что этот набор достаточно проясняет устоявшееся и положительно оцениваемое, хотя и несколько общее, определение регионального текста (сверхтекста) Н. Е. Меднис, ср.: свертхтекст – «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой целостностью» [Меднис 2003: 6].

Предлагаем следующее определение «вологодского текста» в качестве дискуссионного. «Вологодский текст» – совокупность художественных текстов разного времени, имеющих общую внетекстовую ориентацию (то есть ориентацию на Вологодчину как мифопоэтическое пространство), текстов, представляющих в основном вологодский вариант национальной картины мира и отличающихся общностью художественных мотивов и образов.

Создавался «вологодский текст» много веков: сюда войдут и вологодские летописи, и жития местных святых, и вологодский фольклор, и авторские художественные тексты разного времени. Не отрицая возможности толковать понятие *текст* расширительно, понимать под ним и совокупность местных обычаев, мир вологодской архитектуры и искусства, мы

только настаиваем не смешивать явления разных сфер действительности в один «котёл текстов»: семиотика это допускает, филология хотела бы заниматься художественными текстами.

Художественных образов Вологодчины в «вологодском тексте» много: они разные и даже оппозиционные, в том числе негативные (вспомним мифологемы «вологодский конвой», «вологодская ссылка»).

Мы допускаем в «вологодском тексте» симбиоз, наложение текстов разной внетекстовой ориентации: вологодский писатель, описывающий в своем произведении приключения вологжан в Париже и передающий их оценку Парижа, по-видимому, одновременно создает и «парижский текст», и «вологодский текст».

Для развития исследований «вологодского текста» важно параллельно структурировать и изучить мифологему «Вологодчина» [ср. аналоги, связанные с другими регионами: Тюпа 2002; Матонин 2015]. Для изучения Вологодчины многое уже сделано, но новая задача позволяет по-новому оценить сделанное и создать теоретическую основу актуальной программы «Вологодчина – душа России».

При обсуждении проблемы регионального текста важен вопрос и о выборе самих текстов. Для нас это художественные тексты, т. е. тексты, где есть мифопоэтическое, образное изображение региона во всей совокупности его составляющих: территория, время, лейтмотивы, система образов, язык. В сборниках «Русская провинция: миф – текст – реальность» (с начала 1990-х годов вышло около десятка книг) наметился выход за пределы художественного текста: анализируются мемуары, публицистика, сочинения краеведов. Напомним, что для В. Н. Топорова, автора концепции регионального текста, художественный образ топоса создается художественными текстами.

Обратимся к трилогии В. И. Белова, куда входят романы «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый».

Творчеству писателя посвящено много работ, в том числе монография Ю. И. Селезнёва [Селезнёв 1983] и более десятка диссертаций. С литературоведческой точки зрения трилогию исследовали разные авторы, есть интересный сборник, посвященный роману «Кануны» [сборник «С разных точек зрения», 2001; Гаврилова 2002].

«Кануны» снисходительно и чрезмерно критически оценил А. Солженицын: «Композиция романа не упорядочена... Динамика то и дело расслабляется эпизодами, совершенно ни к чему не прилегающими», критик неоднократно упрекает Белова в «композиционной расслабленности», в «хаосе бессмысленных эпизодов» [Солженицын 2003: 166–167]. Кажется, этот провозглашённый властями классик литературы не вдумался в то, что название «Кануны» дополнено у автора: «Хроника конца 20-х годов», а «Год великого перелома» – это «Хроника начала 30-х годов». Хроника предполагает неспешное повествование, раскрывающее движение жизни людей на широком природном и историческом фоне.

Встает вопрос и об уровне художественного дарования самого судьи. Например, во многих произведениях Солженицына вообще не упоминается природа, а там, где вдруг появляется пейзаж, то это описание не превышает одного предложения. Солженицын – странное явление: русский писатель, не замечавший русской природы! Кроме того, мир для Солженицына бесцветен и беззвучен, в нем почти нет никаких красок и голосов. А запах есть, правда всегда один: для его героя Ивана Денисовича – это только запах еды.

Почему для Белова деревенская тема была постоянно главной? Почему деревенская тема была значима в русской литературе XX века? Для Белова деревня – это образ национального бытия, передача русского национального сознания, реальная жизнь народа и реальные народные характеры. «Кануны» – идеальная картина деревни, и здесь центральный образ – дом. В «Год великого перелома» рушится дом как центр мироздания. В последнем романе – постепенное восстановление жизни на руинах разрушенных семейных гнезд Шибанихи.

Другим организационным центром трилогии является образ дороги как аналог человеческого бытия, т.е. выбор каждым героем своего пути в жизни.

Далее мы должны учесть, что в каждом романе используется комплекс жанров: «Кануны» – семейная хроника (первая и вторая часть романа) и историческая хроника (часть третья); «Год великого перелома» – историческое повествование; «Час шестой» – семейно-бытовое повествование.

Именно семейно-бытовое повествование дает возможность достаточно широкого использования живой народной речи: диалектизмов и просторечия. Выбор типа повествования организуется с ориентацией на определенную позицию, точку зрения: автора, рассказчика, персонажа. И здесь стоит вспомнить рецензию А. Солженицына, не понявшего этой особенности организации беловского текста: «Все разговоры крестьянские – живые, достоверные до последнего звука. Однако собственный авторский язык Белова не выражен своеобразно, им не приходится наслаждаться. И в нём – меньше богатых живучих русских слов, нежели у Распутина и Астафьева» [Солженицын 2003: 168]. Дело в том, что есть такие художественные феномены, как несобственно-авторское повествование или несобственно-прямая речь героев, и таких фрагментов у Белова гораздо больше, чем собственной авторской речи. Куда же их отнес ретивый критик: это речь героев или речь автора? По форме – речь автора, а по типу повествования – речь героев, в том числе и больше всего героев из крестьян. Да, это язык достоверный, народный, а не тот, который предлагает Солженицын в своем «Русском словаре языкового расширения», где, как он признается, «многие разглагольствительные примеры дословно взяты из Даля» [Солженицын 1990: 4]. Кстати, отсылка к Далю в этом словаре нет, что и сколько взято из Даля – не указано. Зато есть список авторов, чьи речения включил Солженицын в придуманный якобы им словарь: среди 27 русских писателей, начиная с Пушкина, упомянут и В. И. Белов.

И ещё по поводу оценки Солженицыным речи беловских героев: «Все разговоры крестьянские – живые, достоверные до последнего звук». Детство Солженицына – «знатока» (в кавычках) северной крестьянской речи прошло на юге, а юности и последующие годы, за вычетом лагерных, – в городе. То, что в авторской речи Белова нет обилия авторских окказионализмов, как у Астафьева, – это свидетельство в пользу Белова: к языку он относился честно, как учил ещё Н. В. Гоголь. Словом, небрежное замечание А. Солженицына не может быть принято за объективную оценку художественного языка В. И. Белова.

Работ, посвященных языку писателя В. И. Белова, мало. Специально диалектизмам в художественной речи писателя посвящено монографическое исследование Е. П. Бугрий, выполненное в 1986 г. в ЛГУ [Бугрий 1986]. Значительный корпус диалектных речений представлен в словаре «Народное слово в произведениях В. И. Белова», составленном проф. Л. Г. Яцкевич [Яцкевич 2004]. Диалектизм в художественном тексте обязательно используется как стилистическое средство, т. е. обладающее яркой образностью, выразительностью. Известные функции диалектизмов: для создания местного колорита и для характеристики речи героев – требуют семантической прозрачности употреблённого слова (или фразеологизма), то есть понимания смысла этого речения с помощью контекста. Какие приемы раскрытия значения диалектизма использует В. И. Белов?

Первая возможность раскрыть значение диалектного слова – широкий контекст, т. е. несколько слов или целая фраза. Блюдо из овсяной крупы называлось *саламат*, ср. его введение в контекст предложения: *После щей они подали горячий саламат: пареную овсяную крупу, щедро сдобренную топленным коровьим маслом* (Кануны, 119). Диалектологи обычно приравнивают слова *саламат* и *саламата*, а для Белова *саламата* – это блюдо из толокна, т. е. из овсяной муки.

Прямо в тексте писатель разъясняет смысл выражения *щи постные* (другое название блюда *сухарница*): *... сухарницу сами сделали: Евграф разминал сухари в ладонях, сыпал в большое глиняное блюдо с похлебкой. Такими щами в посты испокон веку называли овсяную засту, сваренную с картошкой и луком* (Час, 408). Заметим, что это более точное и конкретное объяснение значения, чем в «Словаре вологодских говоров»: *Сухарница* «кушанье из толченых сухарей, залитых горячим молоком, супом или кипятком» (СВГ-10: 164). Нет, постное не сдабривали молоком.

В тексте поясняется и слово *выскырь*: – *Стащим под выскырь. – Большая толстая ель упала от урагана лет пять назад. Она корнями выворотила большую болотную яму* (Час, 593).

Второй способ раскрытия значения – это пояснение смысла диалектизма в тексте посредством общеупотребительных средств: *Он принес дров, открыл челисник – дымовую дыру – и затопил каменку* (Кануны, 6). Речь идет о Носопыре: он жил в бане, которая топилась по-черному, т. е. печь (*каменка*) не имела трубы, поэтому сверху в стене было отверстие для выхода дыма –

че(и)лисник. В другом месте значение этого слова поясняется авторским примечанием: *Дым от каменки уходил в чилисник под низкой крышей избышки* (примечание: *отверстие под потолком для выхода дыма*; Час, 480).

Третий приём – это толкование диалектизма с помощью литературных синонимов. Приведем пример, связанный с внутренней речью Носопыря, который рассуждает о святочных забавах ребятишек: *В святки и я бывало дразнил бобылей. Пускай дикаются, большие не выйду* (Кануны, 7). Обратим внимание, что вначале автор употребляет общелитературный глагол *дразнить*, а затем диалектное *дикаются*. По Далю, *дикась* – от слова *дикий* [Даль-1: 436].

Похожий факт по особенностям употребления диалектного слова встретился в описании деревенской драки: [Отец Николай] *Схватил какого-то усташинского парня с колом. Парень задрыгал ногами и выронил уразину* (Кануны, 261). Значение слова *уразина* понимается без затруднений, так как первоначально это орудие было названо *колом*. Ср. *уразина* – *крепкая палка, дубинка* (Вологодское словечко, 299). Слово *уразина* от *разить* «бить, ударять» зафиксировано уже Далем [Даль-4: 31].

Аналогичные факты отмечаются в романе «Год великого перелома»: – *Я ему, дьяволу, вихлет сломяу* (прим автора: *хребет*)... – *Моржам будешь спины ломать, гражданин Миронов* (Год, 238). Здесь наблюдается некоторая избыточность в пояснении смысла слова *вихлет*: и авторское примечание, и контекстное пояснение *спина*.

Сравнительно нечастый прием «цитатности», т.е. употребление слова с ссылкой «по-здешнему», «другими словами», также позволяет писателю вводить в текст диалектизмы этнографического плана: *Шибановцы городили лесной огород, по-здешнему осек, опоясывая поскотину и отделяя её от хлебных полей* (Кануны, 185; ср. в вологодских говорах *осек* – это и «изгородь, ограда», и «огороженное лесное пастбище». – Вологодское словечко, 180). В романе «Год великого перелома» слово употреблено в женском роде: *Шибановцы общей артелью ещё ходили в осеку, догораживали в лесу большую поскотину* (Год, 285).

Ср. ещё пример: *Кандейка в деревне, другими словами потребиловка вроде зыринской лавки, размещалась в другом конце* (Год, 304). Слово *кандейка* в этом значении не фиксируется вологодскими диалектологами. *Потребиловка* «магазин сельской потребительской кооперации» – факт общерусского просторечия. Напомним, что словарь русского просторечия пока не создан, в состав словарей литературного языка просторечные элементы не попадают; хотя просторечие – общерусское явление, просторечные выражения часто относят к диалектизмам.

Иногда писатель занимается сравнением местных говоров, подчеркивая разнообразие укладов и говоров даже соседних деревень: *Вспахать надо было всего один загон, как называли в Шибанихе полосы. (В Ольховице говорили почему-то не загон, а повыток)* (Год, 282). Индивидуальные участки селян чаще называли *полоса* (это слово и приводит В. И. Белов как

общеупотребительное), в Шибанихе это – *загон*, в Ольховице – *повыток*, а вообще в вологодских говорах *повыток* – «земельный надел на одну душу или на одну семью» (Вологодское словечко, 203).

Есть несколько излюбленных писателем слов, которые он употребляет несколько раз, не объясняя как-то дополнительно их смысл. Это, например, многозначный глагол *выпростать*, *выпростаться* «освободить, освободиться, выйти»: *ребятишки, получив по гостинцу, выпростали избу* (Кануны, 90), наречие *наразу* в значении «сразу, не откладывая, попутно»: – *Экой он бес, экой мазурик, – расстраивалась Марья, наразу пришивая рукав к тулупу* (Кануны, 34). Л. Г. Яцкевич предложила толковать это наречие – «в таком случае» [Народное слово, 76], но, судя по контекстам, её толкование сомнительно.

Рассмотрим ещё один прием «семантизации» (разъяснения смысла диалектизма) – это авторское примечание. См. пример: ... *он оставлял Роговых, как говорится, «на верхосытку»* (Год, 121). «*На верхосытку*» сопровождается примечанием автора: *на закуску, на заедку в конце трапезы* (Год, 607; ср.: лакомое кушанье, подаваемое в конце обеда или ужина. – Вологодское словечко, 35). Обратим внимание на то, что здесь автор и выражение взял в кавычки («*на верхосытку*»), да ещё и предупредил словами «*как говорится*» о факте цитации выражения из народной речи. Говорить о непродуманности, стихийности народных речений у Белова в этом случае уж никак не приходится.

Подробно разъясняет писатель смысл слова *веко*: «*плетеная из дранок, плоская корзина для хранения сушеных грибов, ягод и т.д.*» (Год, 285; напомним, что *веко* Самовариха превратила в *зыбку* – колыбель для малыша). В вологодском словаре *веко* объясняется как крышка от корзины, что неправильно.

Писатель своими примечаниями помогает разобраться в разнообразии сельских изгородей и проходов через них: *Вера открыла отвод, и Павел, не глядя на жену, направил мерина под гору... больно много надо открывать отводов и раскладывать заворов, если ехать полями* (Год, 292, 293); *Краснофлотец перемахнул через завор* (Час, 472; примечание автора: *жерди, которыми закладывают проезд в изгороди*; ср. аналогичное примечание к слову *завор* в рассказе «Утром в субботу»: *Завор – проезд в лесной изгороди, закладываемый жердями*). – Утром, 433). *Отвод* – это тип ворот в полевой изгороди, они подвешивались к основному столбу, ворота можно было отводить, отводы мастерили там, где проезжали часто; *завор* – тип прохода, где между столбами (кольями), вставляли жерди. В этом случае сомнительны показания диалектного словаря, где *завор* и *отвод* толкуются однозначно как разборное звено изгороди (Вологодское словечко, 82, 182).

Любопытно сравнить подачу того или иного диалектизма в разных произведениях писателя. Так, *лога* в «Канунах» не объясняется как-то специально, а в «Привычном деле» есть примечание автора «скошенная, предназначенная на сено трава», при этом приводится описание *кошенины*

(Привычное дело, 148). Севернорусское *чунки*, несколько раз употребленное в трилогии в достаточно ясных контекстах, в рассказе «Утром в субботу» автором пояснялось: *Чунки – санки, салазки* (Утром, 436).

Некоторые разъяснения автора становятся подробными и превращаются в этнографические справки. Дороги сердцу писателя деревенские развлечения *горюн* и *столбушка* (*звать, идти к столбу, выйти от столба*, где *столб* в значении «занавешенный в углу за печью закуток для беседы парня с девушкой один на один. Учтем, что столбушки становятся важным элементом в развитии взаимоотношений героев, кроме того, они характеризуют целомудренную деревенскую этику, см. описание этой игры в: [Лад, 299 – 300]. Судя по данным вологодских диалектологов, эта игра и соответствующие названия представлены только в Харовском районе (Вологодское словечко, 57, 268). Но есть одно слово, пока не замеченное диалектологами: *«Неужто сделает головешку, не придет»*. *Головешка* – это когда отказывают и не идут к столбу (Год, 101), слово *головешка* в значении, раскрытом В. И. Беловым, пока не учтено в диалектных словарях.

Чем объясняется неодинаковое стремление писателя сделать диалектизм семантически прозрачным за счет средств контекста, дополнительных пояснений или оставить смысл диалектного слова непроясненным? Повидимому, только разной содержательной значимостью диалектных речений, поэтому остается без разъяснения географическая терминология (названия явлений природы, форм рельефа и т. п.), этнографическая номенклатура, особенно, если называемые предметы и явления не участвуют в развитии сюжета.

Диалектизмы, характеризующие внешность человека, его поведение и черты характера, часто используются в речи персонажей, и они отличаются повышенной оценочностью и экспрессивностью и тоже не всегда нуждаются в уточнении значения.

Где преимущественно употребляются диалектизмы: в авторской речи или в речи героев? Конечно, во втором случае. Более того, местные речения, включенные в авторский текст, разъясняются автором более старательно, чем выражения из речи героев.

Некоторые слова, употребляемые писателем, зафиксированы диалектологами в других вариантах: названия санок с сиденьями у Белова *корёги* (Кануны, 149) – *корёжки* (Утром, 432); в словаре «Вологодское словечко» со ссылкой на верховажские записи приводится *корёхи – корёшки* (Вологодское словечко, 123). Эти и подобные примеры убеждают, что, рисуя картины сельского быта, В. И. Белов опирался на собственное знание быта и культуры жителей Харовского района, где прошли его детство и юность, где созданы многие его произведения.

В целом диалектизмы употребляются нечасто: в «Канунах», учитывая даже повторы, не более пятидесяти лексических диалектизмов. Причем автор не стремится их сделать незаметными, наоборот, выбирает самые яркие, семантически выразительные и эмоционально насыщенные, подчёр-

кивает их необходимость при описании деревенского быта и тем самым показывает самобытность, автономность крестьянского мира, его самодостаточность в материальном и культурном отношении. В романе «Кануны» местные слова становятся понятны в контексте и благодаря семантике корней: *беремя, вечеровальники, вутре, вязы, пустоголовое, рыльник, с одно-разки. ступни*. В романе «Год великого перелома» многие диалектные слова в большинстве случаев понятны в пределах словосочетаний: *впусте, большуха* (в выражении *хозяйка-большуха*), *рукотёрник, пойти впремь, корова помыркивала, самосильно, загаркать народ, труба кужлявилась, дорога пакнула, ежесдень*. Кроме того, некоторые слова и не являются диалектизмами: *кужлявиться, самосильно* – общерусское просторечие, *впусте, пойти впремь* – вероятные индивидуальные речевые окказионализмы.

Таким образом, выбор и описание места и времени, оценка всего происходящего в деревне через сознание и голоса главных персонажей, с опорой на менталитет жителей вологодской деревни Шибанихи свидетельствуют о том, что В.И. Белов создал текст, соответствующий по своим качествам определению «вологодский текст».

Литература

- Анциферов Н. П. Быль и миф Петербурга / Н. П. Анциферов. – Пг., 1922. – 226 с.
Ациферов Н. П. Душа Петербурга / Н. П. Анциферов. – Пг., 1922. – 227 с.
Анциферов Н. П. Петербург Достоевского / Н. П. Анциферов. – Пг., 1923. – 106 с.
Белов В. И. Год великого перелома. Хроника начала 30-х годов // Белов В. И. Собр. соч.: в 7 томах. – Том 4: Романы. – М.: РИЦ «Классика», 2011. – 616 с.
Белов В. И. Кануны: Хроника конца 20-х годов / В. И. Белов. – М.: Голос, 1994. – 480 с.
Белов В. И. Лад. Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – М.: 1988. – 422 с.
Белов В. И. Привычное дело // Белов В. И. За тремя волоками: Повести; Рассказы; Очерки. – М.: Худож. лит., 1989. – 527 с.
Белов В. И. Утром в субботу (Из записной книжки) // Белов В. И. За тремя волоками: Повести; Рассказы; Очерки. – М.: Худож. лит., 1989. – 527 с.
Белов В. И. Час шестый: Роман // Белов В. И. Собр. соч.: в 7 томах. – Том 4: Романы. – М.: РИЦ «Классика», 2011. – 616 с.
Бургий Е. П. Лексические и фразеологические диалектизмы в прозе В. Белова (способы семантизации): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Л.: изд-во ЛГУ, 1986. – 18 с.
Вологодское словечко. Изд. 2. – Вологда, 2011. – 344 с.
Гаврилова Н. А. Романы В. И. Белова «Кануны», «Год великого перелома», «Час шестый» как художественная целостность: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Череповец, 2002. – 24 с.
Галимова Е. Ш. Северный текст русской литературы как свертхтекст // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. – Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2010. – С. 8–15.

Галимова Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – Вып. № 1. – 2012. – С. 121–129.

Геокультурное пространство Европейского Севера: генезис, структура, семантика. – Архангельск, 2011. – 505 с.

Геопанорама русской культуры. Провинция и её локальные тексты. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 672 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М., 1978.

Евразийское пространство. Звук, слово, образ. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 584 с.

Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. – СПб., 2002. – С. 208–220.

Лотман Ю. М. Символические пространства // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1996. – С. 239–300.

Лошаков А. Г. Поморский текст в контексте современной научной парадигмы // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. – Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова, 2010. – С. 3–7.

Матонин В. С. Социокультурное пространство северной деревни: структура, семантика, генезис: дисс. ... доктора культурологии. – СПб., 2015. – 326 с.

Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. – Новосибирск: 2003 // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://knje.orod.gmsib.ni///files/36.rar>

Миногина Е. Г. Провинциальный текст // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 3. – С. 50–56.

Народное слово в произведениях В.И. Белова. Словарь / Сост. Л. Г. Яцкевич. – Вологда, 2004. – 214 с.

Русская провинция: миф – текст – реальность. – М.; СПб., 2000. – 491 с.

С разных точек зрения. «Кануны» Василия Белова. – М., 1991. – 240 с.

Северный и сибирский тексты русской литературы как сверхтексты: типологическое и уникальное. – Архангельск: САФУ им. М. В. Ломоносова, 2014. – 384 с.

Селезнев Ю. Василий Белов. – М., 1983.

Словарь вологодских говоров. Вып. 10. – Вологда, 2005. – 182 с.

Солженицын А. Василий Белов // Новый мир. – 2003. – № 12. – С. 54–169.

Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. – М., 1990. – 247 с.

Топоров В. Н. «Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему)» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М., 1995. – С. 259–367. См. отдельное издание: Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. – СПб., 2003. – 614 с.

Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 27–35.